

ВОЛНЕНИЯ РАБОЧИХ РЕВДИНСКОГО ЗАВОДА в 1841 году

А. П. Бажова

Неуклонное нарастание массового антифеодального движения в России в первой половине XIX в. явилось одним из важнейших показателей кризиса феодализма. Борьба крепостных и вольнонаемных рабочих, вливаясь в общий поток антикрепостнического движения, не имела самостоятельного классово-сознательного характера. Однако в этой борьбе проявлялись новые черты, которые свидетельствовали о начале формирования пролетарской идеологии. ««Стихийный элемент»,— писал В. И. Ленин,— представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности...»¹

Одним из наиболее значительных выступлений крепостных рабочих Урала были волнения на Ревдинском заводе в 1841 г., привлекая большое внимание исследователей².

Ревдинский завод был построен в 1734 г. А. Демидовым в 45 верстах от Екатеринбургa, в 12 верстах от Васильевско-Шайтанска (ныне Первоуральск). В начале XIX в. завод имел одну доменную, одну молотовую, две формовальные фабрики. Годовая выплавка чугуна колебалась от 180 до 250 тыс. пудов. Производительность труда была чрезвычайно низкой. Завод находился в долгах, и, как докладывало Уральское горное правление, «ни казне, ни владельцу не был полезен». С 1832 г. на предприятии началось интенсивное строительство. Были перестроены некоторые фабрики, появились новые ваграночный и цементовальный горны. Число кричных молотов увеличилось с 14 в 1800 г. до 16 в 1840 г., кузнечных молотов стало 20 вместо 17, было построено 3 колотушеч-

ных молота. Прибавилось 7 новых рудников.

Большие перемены произошли на заводе с пуском второй доменной печи. Переоборудование заведения привело к повышению производительности труда: выпуск чугуна значительно возрос по сравнению с первой четвертью XIX в., достигнув 400—500 тыс. пудов металла в год³.

Как и другие уральские заводы, Ревдинский завод обслуживался подневольным трудом крепостных крестьян. В начале XIX в. на нем работало 2379 крепостных. Кроме того, до 1807 г. к нему были приписаны крестьяне Аятской и Краснопольской слобод. Вольнонаемных здесь, как и на других заводах Урала, было немного: к 1840 г. их насчитывалось всего 3%.

Положение крепостных было чрезвычайно тяжелым. Опасен и изнурителен был труд на рудниках. Все основные работы производились вручную. Некоторые примитивные механизмы начали появляться лишь в 30-х годах. Заводское начальство не заботилось даже об элементарной охране труда. В особенно плохих условиях находились углежопы и углепоставщики. Говоря о пореформенном развитии лесной промышленности, В. И. Ленин так отзывался о работе на лесных промыслах: «Лесные работы принадлежат к наиболее дурно оплачиваемым; гигиенические условия их отвратительны, и здоровье рабочих подвергается сильнейшему разрушению; положение рабочих, заброшенных в лесную глушь, наиболее беззащитное, и в этой отрасли промышленности царят во всей своей силе кабала, truck-system и тому подобные спутники «патриархальных» крестьянских промыслов»⁴. Все это было присуще и лесной промышленности Урала первой половины XIX века.

Для суточной плавки руды на Ревдинском заводе требовалось от 33 до 50 корбов угля, а каждый корб весил 25 пудов. Всю эту массу топлива должны были готовить крепостные крестьяне. Рубка дров, жжение и разлом куч производились первобытным способом. На лесных промыс-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 346.

² См. В. Быков. Возмутители (Бунты в Ревдинском заводе в 1826 и 1841 годах). Свердловск. 1925; Г. Кулагина, Орлов. Волнения углежопов в Ревдинском заводе в 1841 году. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Вып. 1, 1938; «Рабочее движение в России в XIX в.». Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой. Т. 1. Госполитиздат. 1951; М. А. Горловский, А. Н. Пятницкий. Из истории рабочего движения на Урале. Свердловск. 1954.

³ Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. 24, оп. 11, д. 22, л. 158.

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 462.

лах Урала до начала XIX в. не пользовались пилой. Лес рубили топорами, на что затрачивалось вдвое больше времени⁵. Донесения приказчиков Сысертского, Алапаевского, Ревдинского и других заводов бергинспектору пестрили сообщениями о «задавлении упавшим деревом мастерового». В куренной работе углежого находилось с апреля по ноябрь, приблизительно 150 дней в году. На все это время они были оторваны от своих семей, запускали свое хозяйство, жили впроголодь.

За свой тяжелый труд углежого получали ничтожную плату. Расчет производился раз в год, и порой оказывалось, что, забрав вперед провиант и задолжав конторе, горнорабочий не получал на руки ни копейки. Особенно часто случалось это с много семейными и безлошадными крестьянами, а таких было немало.

Металлургическая промышленность Урала была менее затронута капиталистическим развитием, чем другие отрасли промышленности. Урал оставался краем «с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения...»⁶. Крепостническая эксплуатация, приносившая заводчикам огромные барыши, являлась господствующей формой повышения рентабельности промышленных предприятий. Разница в себестоимости и продажной цене железа в этот период достигала 100—150 процентов⁷. Заводоуправление систематически недоплачивало жалованье рабочим, держало их на голодном продовольственном пайке. Увеличение заработной платы отставало от роста цен на продукты. В 1840 г. цены на продукты по сравнению с 1800 г. поднялись в пять раз, в то время как заработная плата повысилась только в три раза. Вследствие низкой заработной платы рос долг горнорабочих конторе. В 1825 г. на Ревдинском заводе он достиг 205 тыс. рублей. Эта сумма в 1828 г. была «сложена с рабочими как невозможная для выполнения». Но с 1837 г., когда началось вздорожание цен на продукты, долги вновь возросли. В 1840 г. они составили уже 34 тыс. рублей.

Система оплаты ставила горнорабочих в кабальную зависимость от заводоладель-

ца. Рабочим приходилось систематически прибегать к займам, которые с течением времени превращались в неоплатный долг заводчику. В 1840 г. оклады (нормы) работ были настолько велики, что даже семьи, имевшие в хозяйстве несколько работников, не справлялись с работами и попадали в неоплатную кабалу к заводоладельцу. Между тем по ведомости 1838 г. видно, что среди углежогов Ревдинского завода и близлежащих деревень было 20 семей безлошадных, 77 — имеющих одну лошадь, 134 — имеющих 2 лошади, 93 — 3 лошади, 51 — 4 лошади, 25 — имеющих свыше 5 лошадей⁸. Особенности вспомогательных заводских работ, при которых в короткое время приходилось преодолевать расстояние в 30—40 км, требовали наличия в хозяйстве нескольких лошадей. Угледоставщики, имевшие 2—3 лошади, как правило, не выполняли окладных работ. Безлошадные и однолошадные крестьяне превращались в батраков, так как вынуждены были нанимать лошадей и расплачиваться за наем своим трудом. Лишь наличие 5 и более лошадей делало хозяйство углежого и угледоставщика обеспеченным. Таким образом, можно считать, что 75% населения Ревды составляли бедные, малообеспеченные горнорабочие.

Ведомости заработной платы показывают, что до 1839 г. только 45% углежогов получали после окончания работ плату наличными деньгами⁹. В 1840 г. и этот процент резко снизился. Приблизительно до 95% угледоставщиков, несмотря на перевыполнение окладных и сверхокладных работ, ничего не получали на руки; весь их заработок присваивала контора за долги и взятые вперед продукты. Провианта, который выдавала контора, часто не хватало, и горнорабочие вынуждены были покупать продукты на рынке. Рыночные цены в 1840 г., по данным «Пермских губернских ведомостей», резко поднялись. Четверть ржаной муки вздорожала с 3 до 4 рублей¹⁰. Так как горнорабочий в лучшем случае получал от 5 до 7 рублей в год, он мог приобрести на эти деньги лишь 2—3 четверти ржаной муки. На уральских заводах оклад работ углежогов колебался от 65 до 85 коробов в год. Эта норма была высокой, но для ревдинских рабочих она была тем более тяжела, что коробы здесь

⁵ См. С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и в СССР. М.-Л. 1935, стр. 41—42.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 427.

⁷ С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск. 1936, стр. 83.

⁸ СОГА, ф. 24, оп. 11, д. 22, л. 186.

⁹ Там же, д. 17, л. 7.

¹⁰ «Пермские губернские ведомости». Прибавление к № 26 за 1842 год.

были значительно больше по объему, чем на других заводах. Кроме того, горнорабочим приходилось часто работать сверх оклада. Нормы выполнения сверхокладных работ возрастали с каждым годом. В одной из жалоб рабочие писали, что «при выполнении главного оклада встречаются затруднения от того, что леса становятся хуже и реже, так что урок, исполнявшийся раньше свободно, теперь не может быть выполнен по оскудению лесов»¹¹.

По существовавшему положению работа углежогов на уральских заводах ограничивалась жжением, разломом и осыпкой куч, а также перевозкой угля на завод. Однако рабочих постоянно загружали дополнительными работами. Особенно отягоительным для них был сплав бревен. Из-за временного мелководья горных речек горнорабочим приходилось по неделям жить в ожидании сплава. Во время вынужденного безделья они ничего не получали. Им платили только за сплавленные бревна по 5 копеек за каждое. Таким образом, теряя время, нужное для выполнения сельскохозяйственных работ, горнорабочие зарабатывали лишь 15—40 копеек. Между тем, если нанять вольного работника для сплава, писали горнорабочие в своей жалобе, «надо платить от 90 копеек до 1 рубля в день и давать содержание»¹². Сверхокладные работы были настолько велики, что горнорабочие не успевали обрабатывать свои небольшие участки земли, работать на собственном покосе. Для выполнения урочной работы они вынуждены были нанимать вольных работников. «Не будучи в состоянии одни исполнить свой годовой оклад, жаловались горнорабочие Горному правлению, — должны мы были нанять работника, заплатить ему половину выдаваемых от завода денег, а остальной половиной довольствоваться для прокормления себя, семейства своего и нанятого вольного работника»¹³.

Медицинское обслуживание на уральских заводах было поставлено крайне плохо. На заводские госпитали отпускались самые незначительные суммы. На Бисертском и Билимбаевском заводах госпиталей не существовало. На Белорешком заводе медицинская помощь находилась в таком состоянии, что из 180 больных умирали 100. Во время обследования больницы на Ревдинском заводе выяснилось, что там

«даже нет приличной для больных пищи, а питаются они за счет сострадания ближних»¹⁴. Обследование не принесло никаких результатов, больница в Ревде осталась в прежнем запущенном состоянии.

После волнений 1825—1826 годов, вызванных тяжелой эксплуатацией рабочих, заводская администрация установила на заводах режим жестоких репрессий. Ревдинское заводское начальство, «дабы истребить дух своевольтства», и после исполнения судебного приговора над участниками волнения продолжало преследовать «главных возмутителей». Рабочий Петр Юдин по возвращении на завод за «принесение жалобы начальству» был подвергнут средневековому наказанию: ему сняли волосы с головы вместе с кожей. Через несколько суток он умер. За его смерть никто не понес ответственности.

Приказчики и надзиратели подвергали рабочих телесным наказаниям. В 1828 г. было издано распоряжение «о прекращении наказаний и жестокостей рабочим людям». На практике оно свелось к занесению наказаний в штрафные книги. Из «штрафного журнала», который вел приказчик Земляничин, видно, что рабочих подвергали заслушание начальству наказанию 50 ударами розог, за неявку на работу — 40 ударами¹⁵. Во время следствия, которое велось после подавления восстания, вожаки его Андриан Рукавишников, Матвей Бороздин и другие обвиняли куренного надзирателя Камаганцева «в жестоком обращении с людьми угольного цеха, которое вынуждало их к скопам». Карп Еремин и другие рабочие жаловались, что надзиратель «отказывался выдавать продукты вперед под заработанные деньги и жестоко наказывал 50 ударами розог за самую незначительную недоработку». За каждую жалобу надзиратель избивал горнорабочих. «Эти произвольные наказания и действия по выдаче провианта довели нас до крайности», — говорили на суде горнорабочие¹⁶.

Непосредственным поводом к восстанию 1841 г. на Ревдинском заводе послужили события, связанные с указом Горного прав-

¹⁴ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 37, оп. 5, д. 244, л. 7 об.

¹⁵ СОГА, ф. 43, оп. 1, д. 26, лл. 1—30.

¹⁶ Там же, ф. 24, оп. 11, д. 22, лл. 103, 105 об.

¹¹ СОГА, ф. 43, оп. 1, д. 64, л. 393 об.

¹² Там же, л. 48.

¹³ Там же, л. 5—5 об.

ления о введении на частных заводах единой образной угольной меры в 22 400 куб. вершков. Заводовладельцы не желали поступиться своими правами. Впоследствии Петр Демидов в письме к министру финансов называл указ «несправедливым», видел в нем «злой умысел Горного правления и главного начальника заводов хребта Уральского В. Л. Глинка, который вмешивается в управление заводами в ущерб их владельцам»¹⁷. Заводское начальство всячески старалось скрыть указ от рабочих, якобы из боязни возбудить беспорядки. Но горнорабочие узнали о нем. Среди них разнеслись слухи о «штате»¹⁸. Это породило у них надежды на то, что их положение будет облегчено, хотя слово «штат», как выяснилось на суде, не было понятно основной массе горнорабочих.

Узнав, что указ Горного правления скрывается от них, рабочие стали волноваться. В движение пришли все крепостные, но особенно глубокое возмущение охватило углежогов, которые подвергались наиболее жестокой эксплуатации. Из среды углежогов вышли вожаки рабочих — Харлампий и Ювеналий Дрягины, Мирон Шукин, Тимофей Козырин; им удалось внести известную организованность в выступление рабочих.

Ювеналию Дрягину к началу бунта исполнилось 24 года, из них 13 лет он работал на заводе. Дрягин был хорошим работником, неизменно выполнял оклад, но, тем не менее, никак не мог выбиться из нужды. Его долги конторе росли год от году. В 1839 г. он остался должен конторе 48 рублей, а в следующем году — 74 рубля. Дрягин отличался твердым, прямолинейным характером. Он сознавал, что только настойчивой борьбой горнорабочие смогут добиться улучшения своей участи. Он стремился поднять их на восстание против заводовладельца и приказчиков, уговаривая не останавливаться даже перед применением оружия. По мнению заводской администрации, Ювеналий Дрягин был «зачинщиком и виновником начальных причин непокорности». Его обвиняли в дерзости и буйстве. Дрягин энергично настаивал на подаче просьбы в Горное правление и вместе с Шукиным ездил для этой цели на Сергинский завод. Из показаний некоторых горнорабочих выясняется, что Дря-

гин и Шукин были грамотными людьми и жалобу написали сами. Дрягин энергично готовился к выступлению. Он вел переговоры с кричущими мастеровыми Ревдинского завода, которые «были приглашены к участию в просьбе, и многие, так же и каменщики, обещались прийти на площадь, когда будет нужно». Кроме того, Дрягин надеялся, что «бисертские, являсь на караван, помогут, а в 14 число были и приглашены рождественские дроворубы»¹⁹. Дрягину принадлежала идея распространения «подметных писем», текст которых был составлен им, а разможен Иваном Еремичевым (Абашкиным). По предложению Дрягина еще в самом начале событий 1841 г. были выбраны десятники, которые руководили действиями рабочих.

Достоинным сподвижником Дрягина был Тимофей Козырин — представитель беднейшего населения завода. Козырин признал на суде, что «участвовал в подстрекательстве народа, убеждал, если будут стрелять холостыми зарядами, то смять солдат, их мало, а возмутившихся много, чтоб стояли дружно, требовали штат, не выдавали и не позволяли брать по одиночке»²⁰. Вместе с Дрягиным Козырин расставлял караулы для наблюдения за действиями воинской команды, руководил толпой горнорабочих и распространял «подметные записки». К сожалению, пока не удалось найти полный текст этих своеобразных прокламаций, но из показаний рабочих на суде можно заключить, что в «подметных записках» содержались призывы к рабочим Ревдинского и соседних заводов стоять дружно, никого не выдавать и добиваться «штата». На суде выяснилось также активное участие в волнении отставного унтер-офицера Ивана Десятова, утверждавшего, что стрелять в народ боевыми патронами запрещено, а холостых не надо бояться.

Основную массу участников движения составляли горнорабочие Ревдинского завода и деревни Краснояра. Кроме них, выступили углежогои из деревень Барановки, Починок, Сажинной, Березовки. Все это были крепостные и вечноотданные Демидовых. Среди них были и молодые рабочие и старики — участники еще прежних волнений (1825—1826 гг.). Влияние последних на рабочую массу было значительным. Ю. Дрягин говорил на суде: «Причиной неповиновения было: разглашение о штате, подстре-

¹⁷ Там же, ф. 43, оп. 1, д. 1969, лл. 2—4.

¹⁸ «Штаты», которые начали вводиться на казенных заводах Урала с 1837 г., несколько упорядочили нормы работ.

¹⁹ СОГА, ф. 24, оп. 11, д. 22, лл. 46—189.

²⁰ Там же.

кательство В. Логиновских, Захара и Самоила Утюмовых, участвовавших в прежних возмущениях, трудность работ, сделья...» На борьбу поднялись все слои горнозаводского населения: и «безлошадные углежог», и основная группа однолошадных и двухлошадных крестьян, и, наконец, зажиточные.

Активное участие в движении принимал унтер-шихтмейстер Константин Криночкин. Выходец из семьи крепостного, он начал работать на Ревдинском заводе мелким служащим. «Будучи при сих занятиях, — доносило заводоуправление, — отличался худю нравственностью, дозволяя себе чинить разные неприличные во вред начальству своему и в убыток заводу поступки». «Худая нравственность» заключалась в том, что Криночкин стремился помочь горнорабочим и, «находясь при сочинении по Ревдинскому заводу долговых книг, замечен в исключении с заводских людей стоящих на них долгов в значительной сумме». Помимо того, как выяснилось на суде, Криночкин был под следствием по указу Горного правления за укрывательство беглых и беспаспортных. Характеристику Криночкина дополняет следующее донесение исправника: «...оказывал грубости и непослушания владельцам Зеленьцовым, делал разные обиды и оскорбления, чинил самовольные отлучки в город Екатеринбург»²¹. Заводовладельцы считали его одним из инициаторов волнения 1825—1826 годов. Исправник доносил, что Криночкин «состоял в сношении с неповинующимися углепоставщиками, был тайным зачинщиком в направлении их к возмущению и неповиновению местному своему начальству». За участие в волнении 1825—1826 гг. он был приговорен к телесному наказанию. Однако «всемиловитвейшим манифестом» эта мера наказания была заменена ссылкой на Богословские заводы. В 1834 г. Криночкин снова попал на Ревдинский завод. В 1841 г. заводоуправление вновь заподозрило Криночкина в возмущении углепоставщиков, для этого имелись некоторые основания. Еще в ноябре, перед вынужденным отъездом с завода, Криночкин рассказал углепоставщикам о том, что контора заводоуправления получила указ о «штатах», но скрывает его от рабочих. Накануне волнений Криночкин поспешно покинул завод, чем и навлек на себя подозрение администрации. Свидетельские показания против него на суде дали исправник и местный поп.

Горнорабочие же избегали упоминания о том, что Криночкин общался с ними. Только углежог Семен Мамонов назвал несколько человек, вместе с которыми он слышал от Криночкина в день его отъезда слова: «Ребята, стойте за свое! Вам доброе вышло». На последующих допросах, очевидно, под влиянием товарищей, Мамонов отказался от собственных показаний. Горнорабочие дружно старались извинить Криночкина от подозрений. После его отъезда, сообщил в своих показаниях Мамонов, «начались между народом толки, чтобы о словах его не говорить, и к этому все принуждались главнейше тем, что иные облагодетельствованы им»²². Одно из писем самого Криночкина свидетельствует о его сочувствии рабочим. «Я видел много, — писал он, — и совершенно как не видал, жалея о тех, кои за меня согрешат незаметно, не зная чувства мои, они стремились день и ночь к добру и свободе, но невидимые пружины отторгали и усилие мое делалось тщетным»²³.

У суда не было достаточных прямых доказательств, дававших право сурово наказывать Криночкина. Обыск в его доме не дал никаких результатов. Тем не менее принадлежность унтер-шихтмейстера к крепостному сословию и сочувственное отношение к нему горнорабочих оказались достаточным поводом для расправы. Его сослали в Нерчинский горнозаводский округ. У нас нет оснований считать Криночкина одним из руководителей или инициаторов волнения 1841 г., однако бесспорно, что по своим взглядам он близко примыкал к передовой группе заводской интеллигенции 30—40-х годов XIX века.

Действия ревдинских горнорабочих вначале носили мирный характер. Рабочие обращались к исправнику поодиночке или группами, просили обнародовать указ и привести его в исполнение, «но так как при этом углежог никакого своеволия не чинили, то заводской исправник, сделав им убеждение ожидать от начальства своего дальнейших распоряжений, оставил просьбу их без последствий»²⁴. Однако против дальнейших жалоб и просьб углежогов были приняты полицейские меры. По распоряжению исправника трех углежогов — Карпа Ереми-

²² Там же, л. 94, оп. 139.

²³ Там же, л. 139.

²⁴ Там же, ф. 43, оп. 1, л. 64, стр. 8.

²¹ Там же, лл. 46—51, 92 об., 159.

на, Ювеналия Дрягина и Мирона Щукина — арестовали за попытку подать от лица всех рабочих жалобу в Уральское горное правление. Этот арест возмутил углежогов. 7 апреля, в день, когда они съехались на завод за рукавицами и топорами для рубки леса (по донесению исправника, их было тогда 300 человек, а по свидетельству очевидцев, — до 600), они собрались у заводского правления и, «ни в чем не убеждаясь, просили с азартом «штат» и отказались совершенно от исполнения работ, намереваясь самовольно отлучиться в Екатеринбург с жалобой». Они требовали освободить из-под стражи и своих поверенных. Арестованные в это время сломали решетку, за которой они сидели, и под ликующие крики собравшихся присоединились к толпе углежогов. Попытки уговорить горнорабочих ни к чему не привели. Они заявили, что больше не верят заводскому начальству. Углежогои требовали, чтобы их отпустили в Екатеринбург подать жалобу. До 10 часов вечера они не расходились по домам, угрожая убить наблюдавших за ними приказчика и конторских служащих, которым исправник поручил составить список «основных бунтовщиков».

Заводское начальство проявило полную растерянность. Рапорт за рапортом послался в Горное правление. Главный начальник заводов Уральского хребта, поняв всю серьезность положения, предложил советнику Карпову немедленно выехать в Ревду для наведения порядка. Карпову вменялось в обязанность убедить горнорабочих в том, что «работы они должны выполнять беспрекословно, как признавшие правительством для них не обременительными...», что «выдаваемые заводоуправлением платы совершенно достаточны». Кроме того, ему поручалось «разведать, кто более виноват в начале настоящего поступка крестьян и кто распространил между ними слух о новом штате»²⁶.

Еще до приезда советника на завод, утром 9 апреля, углежогои собрались на совещание и решили дружно добиваться выполнения своих требований и никого не выдавать. Свое решение они скрепили присягой и целованием икон. О приезде в Ревду представителя Горного правления горнорабочих оповестили десятники, выбранные накануне из среды рабочих. Тотчас же углежогои Ревды, Краснояра, Починок стали собираться на заводской площади в Ревде.

Они ждали от советника подтверждения слухов о новом «штате», — словом, надеялись получить то, чего так долго и тщетно добивались от местных властей.

Когда выяснилась истинная цель приезда Карпова, горнорабочие пришли в еще большее волнение. Они упорно настаивали на том, чтобы на заводе были введены определенные и постоянные нормы работ и оплаты. Угледоставщики объяснили Карпову, почему они добиваются введения «штата», принятого на казенном Златоустовском заводе: хотя оплата там и ниже, но зато горнорабочие получают продукты бесплатно, в то время как ревдинским рабочим приходится платить за провиант втридорога, и все жалование уходит на это. Не желая мириться с тем, что конторские служащие получали муку и зерно по более дешевой цене, ревдинские углежогои требовали, чтобы продукты выдавались населению завода по одинаковой цене. «Все крепостные равны, равную должны получать и плату», — говорили они.

Но в своих требованиях горнорабочие не были единодушны. Как доносил Горному правлению советник Карпов, «одни просили убавки угольного короба, другие прибавки плат, а иные против сего возражали, что платы достаточны, но пусть их не занимают сверх куренной работы»²⁶. В этом сказывалась неорганизованность, забитость крепостной массы. Горнорабочие Ревды, подобно крепостным всей России, поднимались на борьбу с угнетателями «несознательно, просто потому, что им стало невтерпех, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления»²⁷.

По словам Карпова, 9 апреля горнорабочие оказали ему «беспримерную дерзость», а особенно Ювеналий Дрягин, Карп Еремин и Мирон Щукин. Карпов решил запугать рабочих. На их глазах стали готовить экзекуцию, однако это не только не привело в смятение, но вызвало бурю негодования. Попытка солдат захватить «зачинщиков» встретила дружный отпор. «Схватив их, просителей, за опояски, — сообщал в своем рапорте исправник, — и окружив советника, увлекли с собой в ограду дома с шумом и криком «Ура! Не поддавайся! Бейте его, бейте!» — и при этом посыпались камнями и палки, принесенные женщинами, которые вынимали бруски из палисада и этим вооружились, другие, разбирая лестни-

²⁶ Там же, ф. 24, оп. 11, д. 22, л. 3.

²⁶ Там же, л. 4 об.

²⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 386.

цу, ведущую к церкви, уносили поручни с намерением кидать их, носили начальников изменниками и душепродавцами». «Теперь не 26 год,— говорили углежог Карпову,— в обиду себя не дадим, не позволим, как прежде, на наших глазах наказывать товарищей»²⁸.

Вечером 10 апреля все углежог, еще оставшиеся на работе, «вышли из лесов и присоединились к товарищам, составив единую шумную массу. В толпу свою вовлекли и других,— сообщал исполняющий обязанности главного начальника заводов Уральского хребта Порозов,— не только углежогов, но и горнорабочих других цехов»²⁹. Естественно, что заводские мастеровые не остались равнодушны к действиям углежогов. Карпов доносил в Горное правление: «Кроме углежогов, мастеровые других цехов были замечены в толпе с жердями, особенно Алексей Трухичев, Василий Винокуров и Яков Зарубин». Священник Флеровский утверждал, что «кричные мастера Иван Горланов и Андрей Молявин заперли дутье и были готовы пристать к толпе, но удержаны от сего уставщиком Павлом Козыриным, тогда же, оставив свои работы, плотники и каменщики прибегали на площадь к толпе, но воротились». Один из вожаков, Ювеналий Дрягин, говорил, что «кричные были приглашены к участию в просьбе, и многие и также каменщики обещали прийти на площадь, когда будет нужно»³⁰.

Объединившись с мастеровыми, горнорабочие «всей массой намеревались итти в Екатеринбург, бросая между тем шапки с криком и свистом. Потом остановились на пути в одной улице, разместились человек по 20 в каждый дом, учредили на ночь караул и не допустили туда полицейского дозора, угрожая прибить поленьями»³¹.

Ни уговорить, ни запугать рабочих Карпову не удалось. Опасаясь за свою жизнь, он вынужден был срочно выехать из Ревды, составив список 106 «бунтовщиков», из которых особо были выделены 34 человека «самых буйных»³².

После бегства Карпова горнорабочие оказались хозяевами завода: исправник, побитый 9 апреля, боялся показаться на глаза рабочим, управляющий также скры-

вался, священника Флеровского горнорабочие предупредили, «чтобы он в толпу к ним не показывался, не то они разорвут его на клочки»³³. Полицейские дозоры были малочисленны и боялись даже приблизиться к Еланской улице — центральной улице восстания. Но рабочие не сумели воспользоваться своим преимуществом. Века крепостного гнета, писал В. И. Ленин, «накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника...»³⁴. Но как вырваться из этой кабалы, крестьяне еще не знали. Горнорабочие не смогли сохранить единства в своих рядах. Некоторые из них возобновили работу.

До 14 апреля продолжались многочисленные сборы, обсуждения, толки. Горнорабочие, имевшие ружья, чистили их и заряжали, они намеревались использовать и чугунные пушки, которые являлись принадлежностью каждого уральского завода. Лишь после грозных событий 40-х годов пушки были приведены в негодность по распоряжению Горного правления³⁵. 14 апреля на завод вступили две роты солдат в 170 человек. Углежог встретили их решительным протестом. «В улицах, прилегающих к площади, толпились люди всех возрастов, тогда как на самой заводской площади более 500 человек непослушных крестьян, окруженных сзади женами, буйно волновались, произнося крики: «За права свои!» — и поднимали колья. При первом появлении войска они закричали, чтобы не осмеливались строиться против них»³⁶. Командующий ротами майор Клейменов потребовал выдачи зачинщиков возмущения и предложил рабочим разойтись по местам, так как «штата», который они требовали, якобы для частных заводов не существовало. Но ни уговоры, ни угрозы применить оружие не подействовали. Горнорабочие попрежнему настаивали на выполнении всех пунктов, указанных в жалобах. «Требования эти они делали с наглостью и криком, что до объявления штата они не разойдутся, что они ныне не так просты, как были 15 лет назад, когда покорились воинской команде». Рабочие заявляли, что не выдадут своих вожаков, что «решили дружно стоять друг за друга до последней капли крови, что они все равны и начинщиков между ними нет».

²⁸ СОГА, ф. 24, оп. 11, д. 22, л. 121.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 8, д. 228, л. 8 об.

³⁰ СОГА, ф. 24, оп. 11, д. 22, лл. 5 об., 3 об.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 8, д. 228, л. 9.

³² СОГА, ф. 43, ок. 1, д. 65, лл. 42—45.

³³ Там же, ф. 24, оп. 11, д. 22, лл. 11, 46.

³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 183, 184.

³⁵ СОГА, ф. 129, оп. 1, д. 54, л. 10 об.

³⁶ Там же, ф. 43, оп. 1, д. 65, стр. 89 об.

Попытка берг-инспектора арестовать одного из предводителей рабочих, Тимофея Козырина, не удалась. Стоявшие рядом укрыли его, и вся толпа кричала: «Не дадим его»³⁷. Не желая слушать пустых «увещеваний» начальства, горнорабочие демонстративно «тронулись всей массой с места, шли в примерном порядке по 4 и по 5 человек в ряд, будучи частью вооружены кольями, без шума, с мрачной решимостью на лицах, за ними женщины нестройной толпой»³⁸.

Военный строй горнорабочих, представлявший необычное явление, был результатом большой предварительной подготовки. Серьезную услугу горнорабочим оказал отставной унтер-офицер с Нижне-Сергинского завода Иван Егорович Десятков. Его поучения распространялись в «подметных записках» еще задолго до начала событий. Он же совместно с Дрягиным, Козыриным и Бороздиным ввел систематический караул на Еланском мосту. На следствии выяснилось, что Иван Десятков во время подготовки волнения был «конным объездчиком». Он сообщал горнорабочим о событиях на заводе, осуществлял связь между рабочими завода и жителями окрестных деревень. 15 апреля Иван Десятков руководил действиями рабочих: «некоторые солдаты заметили его перебегавшим с одного фланга на другой и ободрявшим людей. Он уверял их, что будут стрелять холостыми патронами и много, если пустят в них пулю семь-восемь, что в России запрещено действовать солдатами, и потому легко их сломить общим натиском»³⁹.

Оправдывая кровавое подавление восстания, Порозов впоследствии писал: «Эти действия могли бы подать опасный пример, как для прочих цехов Ревдинского завода, в коем число жителей обоего пола простирается до семи тысяч человек и коих тишина становилась по доходившим слухам сомнительною, так, вообще, и для прочих заводов, ибо известно было, что бунтующие соглашались на свою сторону рабочих людей соседственного Бисертского завода, кроме того небызвестно, что народ сергинских Губина заводов оказывает неудовольствие на заводоуправление»⁴⁰. Порозов ссылался на донесение исправника Ревдинского завода, который 14 апреля заметил в толпе

20 человек с Верхне-Шайтанского завода. Горнорабочие Нижне-Сергинских заводов также находились в состоянии волнения, а некоторые из них приняли участие в выступлении ревдинских рабочих.

Ночь прошла в тревожных разговорах и мыслях о завтрашнем дне. Никто из рабочих не расходился по домам. Руководители не теряли времени даром, воодушевляя углежогов. Утром 15 апреля исправник и Порозов заметили, что горнорабочие были «приметно в большем количестве, причем уже все до одного были вооружены кольями». Стройными рядами по 4 и по 5 человек в шеренге они вышли на площадь и остановились, готовясь к сражению. Женщины «принялись собирать поленья, колья и камни, что делалось и малолетками»⁴¹. Площадь, на которой собрались восставшие, была расположена следующим образом: «На востоке — река Ревда, на западе — дом заводчика, на юге — фабричные строения, перед которыми расположено несколько лавок, на севере — заводская контора и обывательские постройки»⁴². Военская команда заняла наиболее выгодную возвышенную позицию вдоль берега Ревды и выдвинула в центр площади орудия, углежого же находились на ровном низком месте вдоль дома заводчика. В ответ на новый призыв Порозова приступить к работе горнорабочие забросали солдат кусками руды, и войска вынуждены были отступить под укрытие. Орудия с артиллеристами остались стоять незащищенными посреди площади. Несколько горнорабочих бросились к орудиям с топорами, чтобы вывести их из строя, но были отбиты.

Исполняющий должность главного начальника горных заводов Уральского хребта доносил пермскому гражданскому губернатору о дальнейших действиях горнорабочих: «После первого залпа из нескольких ружей двух взводов, поставленных в некотором расстоянии вперед орудия, бунтующие, ударив в набат, пустили град камней и обломков чугуна, нарочно припасенных, и мгновенно кинулись на оба взвода. Крайность заставила сделать выстрел из орудия картечью в центр толпы, где находились самые загрубелые бунтовщики. Хотя выстрел принес вред толпе, но не принудил ее к полному бегству»⁴³. Несмотря на залпы солдат, горнорабочие продолжали наступление, ловко орудия камнями, рычагами и поленьями,

³⁷ Там же, ф. 24, оп. 11, д. 22, лл. 14 об., 15.

³⁸ Там же, ф. 43, оп. 1, д. 65, л. 93 об.

³⁹ Там же, ф. 24, оп. 11, д. 22, л. 18.

⁴⁰ Там же, л. 16.

⁴¹ Там же, лл. 16 об., 17 об.

⁴² Там же, ф. 129, оп. 1, д. 133.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 8, д. 228, л. 30.

которые им непрерывно подносили женщины. Левый фланг держался менее твердо, но и он продолжал вести бой до тех пор, пока солдаты по распоряжению начальства не начали стрельбу. Отбежав на некоторое расстояние, рабочие вновь стали собирать силы и предприняли новую попытку к действиям. Только огонь из орудий заставил их отступить. Взвод солдат, посланный в погоню, не застал в селении ни одного человека: все бежали в окрестные леса. На заводской площади остались только родственники и товарищи убитых и раненых.

Как доносил полковник Пащенко, «15 апреля на Ревдинском заводе во время подавления волнующихся горнорабочих было израсходовано 300 боевых патронов». Ревдинские углежогги мужественно боролись против воинского отряда. По сообщению заводского исправника, было убито 33 человека, из них 8 женщин, и ранено 54⁴⁴; по свидетельству очевидцев, было убито 500 человек⁴⁵. На основании сопоставления ряда документов можно сделать вывод, что число убитых составляло 118—120 человек, включая и умерших от ран. Погибли и двое вожаков восстания: Мирон Щукин, труп которого был найден на поле боя, и Андриан Рукавишников, который умер от ран в заводском госпитале.

После жестокой расправы горнорабочие постепенно начали являться на завод и приниматься за работу. Не сдавались только углежогги деревни Краснояр. Они долго укрывали в лесах своих предводителей — Ювеналия Дрягина и Карпа Еремина, которых разыскивала следственная комиссия. Отряд в 40 человек во главе с исправником, которому был поручен арест рабочих-вожаков, окружил деревню Краснояр, и солдаты произвели в домах жителей повальный обыск, но беглецов обнаружить не удалось. Они, как доносил исправник, «оставили свою деревню, очевидно, будучи предупреждены о нашем прибытии, и скрылись в густом лесу, где отыскать их совершенно невозможно». Только месяц спустя, 21 мая, в двух верстах от деревни Краснояра, «в лесном болотистом непроходимом месте в нарочно сделанном из моху балагане», заводским служителям удалось

схватить застигнутых врасплох Карпа Еремина и Ювеналия Дрягина.

К следствию на Ревдинском заводе было привлечено 700 человек. Военно-следственной комиссии, отправлявшейся в Ревду, было дано предписание «обличить зачинщиков — виновников начальных причин непокорности — и всех лиц, способствовавших восстанию. При сем случае открыть заговор их и не крылось ли тут какой-либо особенной цели или преднамерения». Горное правление спешило закончить следствие. Однако оно затнулось на несколько месяцев. Опрос огромного количества рабочих занял продолжительное время. Кроме того, следствие было замедлено из-за «бесперывного заpirationательства подсудимых». Горнорабочие держались стойко, не выдавали зачинщиков. Ответы многих участников волнений на вопросы комиссии показывают пример мужества и стойкости. Горнорабочий Андрей Дрягин, например, заявил на суде: «Если народ сделает новое возмущение, то я готов присоединиться к нему»⁴⁶.

Судебное разбирательство закончилось только через год, в марте 1842 года. Суд, происходивший в Екатеринбурге, вынес жестокий приговор, подтвержденный «высочайшим повелением». По приговору 4 руководителя восстания — Ювеналий Дрягин, Карп Еремин, Матвей Бороздин и Тимофей Козырин — были посланы навечно на каторгу. 25 человек подлежали отдаче в военную службу, а в случае их непригодности — в арестантские роты. Из остальных 270 подсудимых каждый десятый был наказан 50 ударами розог. Отставного унтер-офицера Десятова «по всемиростивейшему манифесту» выслали из Ревды с запрещением проживать на заводах Уральской горной области. Но самым примечательным является последний пункт приговора, по которому ревдинское заводоуправление «освобождалось от личной ответственности за обременение крестьян некоторыми сверхкладными работами»⁴⁷.

Восстание 1841 г. на Ревдинском заводе, как и все выступления трудящихся России в эпоху феодализма, было жестоко подавлено. Но в ходе восстания наглядно проявились возросшая сплоченность и организованность горнорабочих, рост их классового самосознания.

⁴⁴ СОГА, ф. 24, оп. 11, д. 10, л. 27, 17 об.

⁴⁵ Там же, ф. 129, оп. 1, д. 54, л. 12.

⁴⁶ Там же, ф. 43, оп. 1, д. 65, л. 100 об.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 8, д. 29, лл. 133—134.